

Иди же, книжица моя; и тем открой
Кто с радостью проникнется тобой,
Весть, что скрываешь ты в своей груди
Благую, наставляя на пути
Всех пилигримов, чтобы им пройти
Его достойней, чем сумели я и ты.
Поведай им о Милости, она
Всех раньше в путь отправилась одна,
Полезно юным девам знать о ней,
И мире, что их ждет, и стать мудрей.
Их озарит святой Господень свет
На тропах, где святой оставлен след¹.

Из Джона Баньяна

¹ Перевод В. Чарного.

ГЛАВА I

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— Какое же это Рождество без подарков, — проворчала Джо, лёжа на ковре.

— Как ужасно быть бедной! — вздохнула Мэг, опустив взгляд на своё старое платье.

— Я думаю, несправедливо, что у одних девочек так много красивых вещей, а у других вообще ничего нет, — добавила маленькая Эми, оскорблённо фыркнув.

— У нас есть папа и мама, и друг у друга есть мы, — с удовлетворением сказала Бет, сидя в своем углу.

Четыре юных лица в свете камина просияли от этих ободряющих слов, но снова помрачнели, когда Джо печально сказала:

— Папы у нас нет и не будет ещё долго. — Она не сказала «возможно, никогда», но все про себя добавили это, думая о том, что отец далеко, там, где шла война.

С минуту все молчали; тогда Мэг сказала совсем другим тоном:

— Вы знаете, что мама предложила не дарить ей никаких подарков на это Рождество, потому что это будет тяжёлая зима для всех; и она думает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчины так страдают на войне. Мы немного можем сделать, но мы можем принести свои маленькие жертвы и должны сде-

лать это с радостью. Но я боюсь, что не смогу. — И Мэг покачала головой, так как она с сожалением подумала обо всех красивых вещах, которые она хотела.

— Но я не думаю, что то небольшое, что мы должны потратить, может принести какую-то пользу. У каждой из нас есть по доллару, и солдатам вряд ли поможет то, что мы пожертвуем им свои деньги. Я согласна не ждать подарков ни от мамы, ни от вас, но я очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так давно хотела эту книгу, — сказала Джо, которая была книжным червём.

— Я планировала потратить свой доллар на новые ноты, — сказала Бет с легким вздохом, которого никто не слышал, кроме каминной щетки и прихватки для чайника.

— Я куплю красивую коробку с карандашами Фабер. Они мне очень нужны, — решительно сказала Эми.

— Мама ничего не говорила о наших деньгах, и она не хочет, чтобы мы во всём себе отказывали. Пусть каждая из нас купит то, что хочет, и мы все доставим себе немного радости. Уверена, мы достаточно много работаем, чтобы это заслужить, — воскликнула Джо, по-мужски разглядывая каблуки своих туфель.

— Я знаю, что заслуживаю, обучая этих надоедливых детей целыми днями, хотя не терпится отдохнуть дома, — снова начала Мэг жалобным тоном.

— У вас нет и половины таких проблем, как у меня, — сказала Джо. — Как бы вам это понравилось, если бы вас часами держали взаперти с нервной сварливой старухой, которая не даёт вам покоя, всегда недовольна и донимает вас так, что хочется выброситься в окошко или заплакать?

— Нехорошо жаловаться, но я думаю, что нет хуже работы, чем мыть посуду и поддерживать порядок

в доме. Терпеть этого не могу, и руки как деревянные — не могу нормально играть на пианино. — И Бет посмотрела на свои мозолистые руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

— Не думаю, что кто-нибудь из вас страдает так же, как я, — воскликнула Эми, — ведь вам не нужно ходить в школу с нахальными девчонками, которые издеваются над вами, когда вы не выучили уроки, и смеются над вашими платьями, и *клеят этикетки* на вашего отца, потому что он небогат, и оскорбляют вас, если ваш нос не слишком хорош.

— Если ты имеешь в виду «клеят позором», то я бы согласилась, но не говори об этикетках, папа же не банка с огурцами, — смеясь, предложила Джо.

— Я прекрасно знаю, что имею в виду, и не смей надо мной насмеяться. Лучше сама правильно употребляй слова и улучшай свой лексикон, — с достоинством парировала Эми.

— Не ругайтесь, девочки. Джо, неужели ты не хотела бы, чтобы папа не лишился денег тогда, когда мы были маленькими? О Боже! Какими бы мы были счастливыми и как нам было бы хорошо, если бы у нас не было забот! — сказала старшая сестра Мэг, которая ещё помнила лучшие времена.

— Ты сказала на днях, что считаешь нас гораздо счастливее детей Кингов, потому что они постоянно ссорятся и задираются, хотя они и богаты.

— Да, я правда так говорила, Бет. Ну, я считаю, что так и есть. Потому что, хотя мы и вынуждены работать, мы постоянно дурачимся, и мы довольно развесёлая компания, как сказала бы Джо.

— Джо слишком много ругается! — заметила Эми, с упрёком посмотрев на длинную фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тут же села, положила руки в карманы и начала насвистывать.

— Не надо так делать, Джо. Это выглядит по-мальчишески!

— Вот потому я это и делаю.

— Я не выношу грубых, неженственных девочек!

— Ненавижу манерных, жеманных глупышек!

— Птички в своих гнёздышках живут мирно, — пропела миротворица Бет с таким уморительным выражением лица, что резкий тон девочек смягчился от смеха, а «пикировка» на время прекратилась.

— Правда, девочки, вы обе виноваты, — сказала Мэг, начав читать нотации в своей манере старшей сестры. — Ты уже взрослая, пора бы оставить мальчишеские шалости и вести себя как подобает, Джозефина. Когда ты была маленькой девочкой, это не было так важно, но теперь, когда ты так выросла и убираешь волосы в пучок, тебе надо помнить, что ты юная леди.

— Я не такая! И если из-за своей причёски я кажусь юной леди, то я буду носить хвостики, пока мне не исполнится двадцать, — воскликнула Джо, снимая с волос сетку и встряхивая своей каштановой гривой. — Мне тошно думать, что я должна вырасти и стать мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной, как китайская астра! Хватит и того, что я родилась девочкой, хотя я люблю играть с мальчиками, работать и вести себя так же, как они! И почему я не мальчик? А сейчас всё хуже, чем когда-либо, потому что я очень хочу пойти воевать вместе с папой. А всё, что я могу, — это оставаться дома и вязать, как убогая старуха!

И Джо стала трясти синим армейским носком так, что спицы загремели, как кастаньеты, а клубок запрыгал по всей комнате.

— Бедная Джо! Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придётся тебе довольствоваться тем, что ты превратила своё имя в мужское и играешь роль брата перед нами, девочками, — сказала Бет, приглаживая взерошенные волосы Джо рукой, прикосновение которой не могло бы сделать грубым никакое мытьё посуды или вытирание пыли.

— Что касается тебя, Эми, — продолжила Мэг, — ты слишком привередлива и чопорна. Твоё важничанье сейчас выглядит смешным, но ты можешь вырасти жеманной маленькой гусыней, если не обратишь на это внимание. Мне нравятся твои хорошие манеры и изысканная речь, когда ты не стараешься казаться элегантной. Но твои нелепые выражения так же неуместны, как и словечки Джо.

— Если Джо — девчонка-сорванец, а Эми — гусыня, то кто же тогда я, скажи, пожалуйста? — спросила Бет, готовая выслушать нотацию.

— Ты прелесть, и больше ничего, — ответила Мэг с теплотой, и никто не стал с ней спорить, потому что Мышка, как её называли дома, была любимицей всей семьи.

Так как юные читатели всегда интересуются, как выглядят персонажи, мы воспользуемся этим моментом, чтобы набросать для них небольшой эскиз четырёх сестёр, которые были заняты вязанием в сумерках, пока за окном тихо падал декабрьский снег, а в камине весело потрескивал огонь. Комната была уютной, хотя ковёр вытерся, а мебель была очень простой: несколько неплохих картин висело на стенах, книги заполняли полки в нишах вокруг окон, хризантемы и пуансетии цвели на подоконниках, и уютная атмосфера гармонии наполняла дом.

Маргарет, старшей из четырёх, было шестнадцать, она была очень симпатичной, пухленькой и спокойной, с большими глазами, густыми мягкими каштановыми волосами, милым ротиком и белыми руками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо была очень высокой, худой и смуглой и напоминала жеребёнка, потому что она, казалось, никогда не знала, куда пристроить свои длинные конечности, которые ей очень мешали. У неё были чётко очерченные губы, комичный нос и острые серые глаза, которые, казалось, всё замечали и были то сердитыми, то странными, то задумчивыми. Длинные, густые волосы были её единственной привлекательной чертой, но обычно она убирала их в пучок и накрывала сеткой, чтобы они ей не мешали. Джо сутулилась, у неё были крупные кисти рук и ступни, и беглого взгляда на её одежду было достаточно, чтобы убедиться, как некомфортно было девочке от того, что она стремительно превращалась в женщину, и как сильно ей это не нравилось. Элизабет, или Бет, как все её называли, была румяной светлоглазой девочкой тринадцати лет с гладкими волосами, с застенчивыми манерами, робким голосом и выражением спокойствия на лице, которое редко чем-то нарушалось. Отец называл её «Маленькая Мисс Безмятежность», и это прозвище идеально ей подходило, потому что она, казалось, жила в своём собственном счастливом мирке, лишь иногда отваживаясь покидать его, чтобы встретиться с теми немногими, кому она доверяла и кого по-настоящему любила. Эми, младшая сестра, была самой важной персоной, по крайней мере, по её личному мнению. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и выющимися на концах светлыми волосами до плеч, бледная и стройная и всегда держащая себя как барышня, не забывающая о своих манерах.

Описание же характеров четырёх сестёр мы побережём на потом.

Часы пробили шесть, и, выметя золу из камина, Бет поставила к огню пару домашних туфель, чтобы их согреть. Каким-то образом вид старой обуви хорошо подействовал на девочек, потому что мама должна была скоро прийти, и они желали скорее её встретить. Мэг перестала читать нотации и зажгла лампу, Эми встала с кресла, хотя её об этом никто не просил, а Джо была, как сильно она устала, сев и подвинув туфли поближе к огню.

— Они довольно поношенные. Нужно купить мамочке новые.

— Я подумывала купить ей новые туфли за свой доллар, — сказала Бет.

— Нет, я куплю! — воскликнула Эми.

— Я старшая, — начала Мэг, но Джо решительно вмешалась:

— Я теперь мужчина в семье, пока папы нет дома, и я куплю ей туфли, потому что он велел мне заботиться о ней, пока он не вернётся.

— Я скажу вам, как мы поступим, — сказала Бет, — давайте каждая подарит маме что-нибудь на Рождество, а себе мы покупать ничего не будем.

— Это так похоже на тебя, дорогая! А что же мы ей подарим? — воскликнула Джо.

Все на минуту глубоко задумались, а потом Мэг объявила о своём решении, словно эта идея была подсказана ей видом её собственных симпатичных рук:

— Я подарю ей пару хороших перчаток.

— Армейские ботинки, что может быть лучше, — воскликнула Джо.

— Несколько носовых платков с подрубленными краями, — сказала Бет.

— Я куплю флакончик духов. Ей они нравятся и стоят недорого, так что у меня останется немного денег, чтобы купить себе карандаши, — добавила Эми.

— А как же мы вручим ей все эти подарки? — спросила Мэг.

— Положим их на стол, приведём её и будем смотреть, как она открывает свёртки. Разве вы не помните, мы так делали в дни нашего рождения? — ответила Джо.

— Я так испугалась, когда подошла моя очередь сидеть в кресле в короне и смотреть, как вы все подходите, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне понравились подарки и поцелуи, но было так страшно, когда вы сидели и смотрели на меня, пока я открывала свёртки, — сказала Бет, в то время как огонь одновременно подрумянивал её щеки и гренки к чаю.

— Пусть мамочка думает, что мы покупаем подарки себе, а затем мы устроим ей сюрприз. Мы должны пойти по магазинам завтра после обеда, Мэг. Нам ещё так много надо подготовить для спектакля в рождественскую ночь, — сказала Джо, горделиво расхаживая туда-сюда, сцепив руки у себя за спиной.

— Я последний раз участвую в таком спектакле. Я слишком взрослая для подобных вещей, — заметила Мэг, которая была сущим ребёнком во всём, что касалось шалостей с «переодеванием».

— Ты не прекратишь этим заниматься, уж я-то знаю, пока у тебя есть возможность разгуливать в белом одеянии с распущенными волосами и носить украшения из золотой бумаги. Ты лучшая актриса из всех нас, и нашему театру придёт конец, если ты покинешь сцену, — сказала Джо. — Нам нужно провести репетицию прямо сейчас. Иди сюда, Эми, и повтори сцену

с обмороком, потому что ты играешь в ней так загато, будто аршин проглотила.

— Ничего не могу с этим поделаться. Я никогда не видела, как падают в обморок, и я не хочу вся покрыться синяками, рухнув плашмя, как ты. Если у меня получится упасть естественно, я так и сделаю. Если я не смогу, то опущусь в кресло и это будет выглядеть изящно. Мне всё равно, даже если Гуго будет наставлять на меня пистолет, — возразила Эми, которая была лишена драматического таланта, но её выбрали на эту роль потому, что она была достаточно маленькой, чтобы злодей из пьесы мог унести её, пронзительно вопящую, за кулисы.

— Сделай вот, как. Сожми руки так и отступай, пошатываясь и неистово крича: «Родриго, спаси меня! Спаси меня!» — И Джо удалялась с мелодраматическим криком, который был поистине душераздирающим.

Эми повторила за ней, но вытянула прямые руки так скованно и рванулась вперёд, как машина, а её «О!» больше было похоже на то, что её укололи булавкой, чем на страх и терзания. Джо отчаянно застонала, а Мэг смеялась во весь голос, в то время как у Бет подгорали гренки, пока она с интересом смотрела на эту смешную сцену.

— Это бесполезно! Постарайся сделать всё возможное, когда придёт время, но если зрители будут смеяться, не вини в этом меня. Продолжай, Мэг.

Дальше всё шло гладко, так как дон Педро бросил вызов миру в речи на две страницы без единого перерыва. Ведьма Хейгар произнесла ужасное заклинание над своим кипящим котелком с жабами, что произвело роковой эффект. Родриго мужественно разорвал свои цепи, а Гуго умер от угрызений совести и мышьяка с иступлённым: «Ха! Ха!»